

Мегамашины — ложные призраки: ответ Гелдерлоосу

Уильям Гиллис

01.07.2020

Мне кажется, обидно, что анархисты не пишут больше о геополитике или об анализе будущего; за последние два столетия наши величайшие успехи исходили из нашего воображения и предвидения. По этой причине я приветствую недавнюю попытку прогноза Питера Гелдерлооса, в различных формах опубликованную Crimethinc.

С анализом Гелдерлооса можно во многом согласиться, и я приветствую его усилия, но, тем не менее, в его анализе есть много моментов, которые я нахожу сомнительными.

Нам бы не помешала более прогнозирующая оценка геополитических или институциональных сил, и я надеюсь, что это откроет двери для большего количества анархистских текстов на этих аренах, но для таких линз характерна постоянная опасность: вы начинаете видеть мир в первую очередь с точки зрения больших социальных структур и упускаете другие критические динамики — часто предполагая слишком большую твёрдость, интегрируемость или центральность этих социальных структур. По моему мнению, анализ Гелдерлооса попадает в эту ловушку при рассмотрении капитализма, фашизма и технологий. Для большей конкретики на счёт каждого случая: он придерживается довольно марксистского представления о капитализме как о единой целой системе с тенденцией к самосохранению, он формулирует фашизм с точки зрения диктаторских институтов, а не идеологии гипернационализма, и он с трудом поддерживает устаревший нарратив единой технологической глобальной социальной системы.

Общим для этих случаев является проекция твёрдости на абстракции, где институциональным макроструктурам даются привилегии наиболее значимых причинных сил. Это затушевывает корневые динамики людей, идеологий и инструментов, вкратце рассматривая их как простые винтики, составляющие более широкие «системы».

Анализ фашизма Гелдерлооса должен быть наиболее вопиющей проблемой для анархистов, поскольку он пытается порвать с давним, почти консенсусом в антифашистском анализе, вместо этого рассматривая «фашизм» исключительно с точки зрения диктатуры — как структуру институтов — а не идеологии. Гелдерлоос прав,

что фашисты являются идеологическими оппортунистами в самых разных вещах, например, им действительно плевать на экономические системы. Но глубоко ошибочно полагать, что у фашизма не было стабильного и связного идеологического ядра. Фашизм — это всегда гипернационализм, фетишизация грубой силы по принципу «кто силён, тот и прав» и отрицание эмпатии за пределами своего племени, сообщества или воображаемого «народа». Это не требует централизованного государственного аппарата, а тем более структурированного в диктаторском смысле. Последние несколько десятилетий фашистских перестановок ясно показали, что могут существовать и демократические или децентрализованные варианты фашизма (например, «национал-анархизм»). Действительно, это, пожалуй, самые распространенные разновидности фашизма сегодня, от популистов новых европейских правых до племён Волков Винланда, приносящих в жертву коз.

Гелдерлоос требует знать, какую концептуальную ясность даёт анализ фашизма в идеологических и философских терминах, а не в качестве конкретного потерянного исторического момента. Ну, во-первых, он может дать нам представление о реальной, чёрт возьми, организации фашистов или, по крайней мере, их потомков. Но, во-вторых, он полезен, потому что — несмотря на их оппортунизм на некоторых фронтах — фашисты часто по-новому ясно мыслят о многом так, как либералы не могут себе позволить. Либерализм — это замученный лотерейный мешочек противоречий, капитализм и демократия отчаянно пытаются отвлечь нас (и самих себя) от функционирования существующей системы. Если либерализм — это пачка лжи и отвлекающих факторов, то фашизм, как печально известно, не заботится о маскировке своей лжи, критики и увеливания. Фашизм — это наиболее уверенное и явное выражение самой идеологии власти: кто силён, тот и прав. Заботься только о своём. То, что существует философская позиция, диаметрально противоположная анархизму, важно и даёт много освещения. Фашизм очищает воздух. Подобно тому, как анархизм — это не фиксированный план или система, фашизм — это не система, а набор ценностей, мотивация и взгляд на власть, совершенно противоположный нашему. Это означает, что он имеет столь же разнообразные выражения, как и анархистская этика. Но в конце дня вы либо за, либо против власти, вы либо заботитесь обо всех, либо только о нескольких. Весы неизбежно имеют тенденцию падать, и каждый вынужден — как в испанской революции — встать на сторону анархизма или фашизма.

Идеология и философия важны. Они не всегда являются ретроактивными рационализациями существующего контекста или системы, но часто являются искренним источником новых разработок. Проблема с такими широкими линзами, как геополитика, заключается в том, что вы обретаёте привычку оценивать поведение и функции *институтов* и игнорировать корни — реальных людей, психологии и паттерны отношений, которые порождают эти структуры.

Одним из худших наследий, которым левые заразили анархистов, является тотальный молохийский взгляд на капитализм. Это часто приводит к некоторым сильно искажённым предсказаниям, когда мы начинаем волноваться о «коммодификации» (часто на самом деле просто означая более точный учёт некоторых соображений). Определённый тип поп-марксистов убедил многих, что «коммодификация» магически неотличима от капитализма как такового. *Есть какая-то коммодификация?*

Кто-то более тонко следит за чем-то? Чёрт, сынок, у тебя тяжёлый случай капитализма — со всеми сопутствующими вещами, которые мы с ним связываем, не обращая внимания на прослеживание какой-либо конкретной причинности. Если вы заполняете детализированную форму на сайте знакомств («коммодификация романтики!»), каким-то образом это означает, что классовое общество и иерархии на рабочем месте становятся всё сильнее. Не думай о том, каковы причинные механизмы, думай комплексно!

Этот левый взгляд на капитализм как на единую монолитную мегамашину с собственным чётким планом и потребностями — а не с конфликтующими местами власти, ортогонализированными механизмами и кислотными потоками восходящего рыночного давления — ослепляет людей к сегодняшним возможностям и в конечном итоге побуждает нас отбрасывать наши мечты за завесу магической революции. Если абстракция рассматривается как единое целое, если мы относимся к институтам как к единственным значимым агентам и игнорируем все, что ниже, как составные винтики, то нет никакой надежды на что-то существенно иное, кроме какого-то полного разрыва.

Для тех, кто целиком и полностью заражён призраком такой разновидности левого мышления, в конечном счёте не остаётся выбора, кроме отчаяния или овеществления тех же старых ритуалов субкультурного сообщества. Когда мир наполняется такими богами, как «капитализм» или «цивилизация», и осушается от настоящих живых дышащих людей, нет никакой надежды на спасение, кроме как через какое-то божественное вмешательство.

Поэтому что-то новое становится мистифицированным и почитаемым, Революция или Коллапс. Партия или Естественный порядок.

Что теряется, когда наше внимание полностью сосредоточено на этих больших абстракциях, так это конкретные проблемы свободы. Какие возможности доступны нам в наших социальных отношениях, в наших проектах, в наших условиях окружающей среды, в конфигурации наших тел?

Гелдерлоос, к сожалению, пишет:

Нам все чаще продают трансгуманистический рассказ, в котором природа и тело представлены как ограничения, которые необходимо преодолеть. Это та же старая идеология Просвещения, на которую снова и снова ведутся анархисты.

Мы «повелись на» трансгуманизм, потому что он, чёрт возьми, прав. Стремления анархизма заключаются не в том, чтобы стать чёртовыми слугами какого-то реакционного «естественного порядка», а в том, чтобы отстаивать позитивную свободу, совместно расширять то, что возможно, вместо того, чтобы отступать к единому плану или экологической нише. Те, кто сказал бы вам довольствоваться и принимать нынешнюю конфигурацию не только мира, но и вашего тела, являются реакционерами самого высокого порядка.

Эта бесконечно повторяемая мантра о том, что технологии — это не методы или чертежи, даже не конкретная инфраструктура, которая строится (которая, несомненно, повёрнута в сторону интересов власти), но представляет собой некое подобие

тесно связанной глобальной политической системы, в которой каждый компонент поддерживает целое, содержит ДНК для того, чтобы неумолимо реконструировать целое, становится все более отчаянным риторическим маневром. Несмотря на то, что в определенных нормализациях, безусловно, существует уравнивающее авторитарное давление — например, боссы в определенных секторах первого мира, требующие, чтобы вы участвовали в звонке по мобильному телефону — мы также видим, что по всей планете наблюдается большое увеличение разнообразия среди технологических форм и использования снизу вверх.

И какая концептуальная ценность на самом деле существовала бы в том, чтобы рассматривать «технологии» как единую систему, а не как экосистему или обширную арену сложных конфликтов? Конечно, есть своего рода умственная уверенность в том, чтобы объединить кучу механизмов и объявить их единым целым, суммой их различных частей, одной мегамашиной. Простота тоталитарного мышления всегда привлекала, но это не делает его правильным или адекватной линзой для анархистов.

Такое мышление может привести к тому, что мы соберём слишком многое в одно целое и не сможем увидеть места соединения, коренные причины или способы изменения конфигурации (к лучшему или гораздо худшему).

Опасность и ограничения геополитического анализа — мышления в терминах макромасштабных институтов — в том, что вы рискуете стать таким же глупым, как и они, при столь же ограниченных рамках внимания. Вы видите вещи исключительно с точки зрения постоянной макроструктуры и упускаете степени свободы среди базы, смещаясь или продвигаясь способами, иногда глубоко противоположными этим макроструктурам. Институты кажутся неуязвимыми, бесконечно способными к присвоению и ассимиляции... до тех пор, пока они не резко терпят неудачу.

Я полагаю, что лучше, что Гелдерлоос в своей системе классификации определяет трансгуманизм как либеральный проект, а не как фашистский или диктаторский. Но, конечно, он рассматривает его с точки зрения технократических потоков среди правящих классов, а не как искреннюю народную идеологию. Таким образом он упускает ярко анархическую склонность морфологической свободы.

Это напоминает близорукую озабоченность неолиберальным правящим порядком, существующими системами и институтами, подобно печально известной тенденции Гленна Гринвальда игнорировать угрозу фашизма/национализма, в то же время приказывая нам вернуться к сосредоточению внимания на обычных капиталистах и империалистах.

Конечно, существует серьезная опасность того, что неолиберализм в конце концов снова восторжествует и использует фашизм как призрак, чтобы лучше укоренить свой технократический демократический порядок, но есть также угроза победы национализма, а националистическая победа в действительности хуже. Прямой фашизм, не запутавший себя в затушевывании и заблуждениях, может быть неуклюже дерзким, но он также может усвоить более долгосрочную игру так, как либерализм почти никогда не позволяет себе.

Величайшее оружие анархистов — это то, что мы видим корни. Мы находимся в долгой войне между властью и свободой. Либерализм — идеология существующего порядка, существующих институтов — никогда не сможет позволить себе это признать. И поэтому только в корнях, недисциплинированных массах под институ-

циональными структурами мы найдём возможности, которые либералы не могут видеть или планировать. Небольшие повороты, переконфигурации, неожиданные степени свободы, то, что либералы (и марксисты) видят как простые винтики, неотвратно являющиеся частью целого.

Гелдерлоос пишет:

Капитализм вторгся в каждый уголок нашей жизни, поворачивая нас против нас самих. Власть государства выросла в геометрической прогрессии, и они уже много раз побеждали нас.

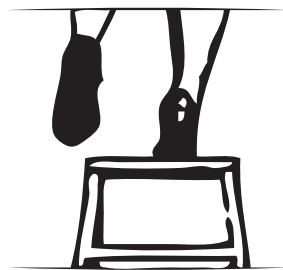
Но мы всё ещё здесь. Мы здесь не просто маргинальные зрители, чей единственный хороший приём — бунты — становится все более беззубым. Мы пробирались по венам этой системы, перенастраивали вещи и оказывали обратное давление бесчисленными способами. Главным в нашем успехе была наша оценка возможностей под ногами гигантов и фактических условий тысячелетнего конфликта, в котором мы все находимся.

К сожалению, очень левое наследие озабоченности макроструктурами, превращения их в гигантских всемогущих монстров может освоить только два одинаково абсурдных пути: реформа или революция. Поддержание монстров или магический внезапный разрыв с ними. Это ловит радикальных левых в ловушку психических циклов депрессии.

Анархизм должен порвать с этой левой рамкой и вместо этого рассматривать вещи в более размытых, бесчисленных и динамичных терминах эрозии и восстания.

Не существует волшебных целостных мегамашин, только сложные экологии и хаотические погодные системы. И история — не драма гигантских штормов, но бабочек, машущих нашими крыльями.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Уильям Гиллис
Мегамшины — ложные призраки: ответ Гелдерлоосу
01.07.2020

Скопировано 05.01.2025
<https://vk.com/@-194022101-william-gillis-the-megamachines-are-false-specters>

ru.anarchistlibraries.net